

DOI : 10.18572/1812-3929-2018-12-19-25

Проблемы сделок дееспособного лица в состоянии, когда оно не могло понимать значение своих действий или руководить ими*

ЗАНКОВСКИЙ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,
главный научный сотрудник, исполняющий обязанности заведующего
сектором предпринимательского и корпоративного права
Института государства и права Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор

МОТУРЕНКО СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,
научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного
права Института государства и права Российской академии наук,
кандидат юридических наук

✉ kippenkarol@yandex.ru, moturenko@yandex.ru

В ГК РФ предусмотрено, что сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной (п. 1 ст. 177).

Это правило представляет собой компромисс и занимает место между сделками дееспособных лиц и обязательствами с участием граждан, признанных судом недееспособными по той причине, что психическое расстройство не позволяет им ни «понимать», ни «руководить». Субъекты, на которых данное правило рассчитано, временно впадают в состояние, вызванное то ли внешними событиями, то ли особенностями их психики и осложняющее для них гражданский оборот. Сам факт заботы ГК РФ об их имущественных интересах говорит о том, что число казусов с ними не позволяет их игнорировать.

Судебная практика по общему правилу не делает различий между способностями понимать значение своих действий, с одной стороны, и руководить ими — с другой. И хотя правовые последствия обоих состояний одинаковы, разница между ними есть. В первом случае человек действует ради достижения своей цели, но не понимает правового значения своих действий.

Оноре Бальзак в повести «Гобсек» дал подобную яркую картину: «В камине догорали листы бумаги. Услышав, что мы пришли, графиня бросила их в огонь, ибо увидела в первых строках имущественных распоряжений имена своих младших детей и вообразила, что уничтожает завещание, лишаящее их наследства, меж тем как наследство им обеспечивалось по моему настоянию. Смятение чувств, невольный ужас перед совершенным преступлением помрачили ее рассудок... Она молчала и, тяжело дыша, глядела на нас своими безумными глазами...

* Статья написана при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

— Что вы наделали! — воскликнул я, выхватив из камина клочок бумаги, еще не тронутый огнем. — Вы разорили своих детей! Ведь эти документы обеспечивали им состояние...»¹

Графиня, впрочем, совершила не сделку, а правонарушение, но для нас здесь важна характеристика того особого психического состояния, когда сверхценная цель в условиях нехватки времени заставляет человека делать правовые ошибки.

Во втором варианте понимание значения возможных действий есть, однако субъекту трудно выбрать из них адекватное поставленной цели.

...В мае 1838 г. пароход «Николай I» сгорел у берегов Германии. И.С. Тургенев писал о состоянии пассажиров на борту в открытом море в разгар катастрофы так: «Какой-то генерал с угрюмо-растерянным взором не переставал кричать: “Нужно послать курьера к государю! К нему послали курьера, когда был бунт военных поселений, где я был, да, лично, и это спасло хоть некоторых из нас!” Беспорядок был невообразимый: чувствовалось, что отчаянное чувство самосохранения охватило все эти человеческие существа, и в том числе меня первого. Я помню, что схватил за руку матроса и обещал ему десять тысяч рублей от имени матушки, если ему удастся спасти меня... Матрос, которому я за свое спасение наобещал непомерную сумму от имени матушки, явился требовать от меня исполнения моего обещания. Но так как я не был вполне уверен, он ли это действительно, да и сверх того, так как он ровно ничего не сделал, чтобы меня спасти, то я предложил ему талер, который он и принял с благодарностью».

Обещание награды — не лучший вариант в условиях пожара уже потому, что простой матрос не мог обеспечить будущему клас-

сику каких-либо особых выгод в спасении перед другими пассажирами.

Но в случаях, когда у субъекта отсутствует воля, нельзя ожидать от него действий и, следовательно, рассматриваемое правило ГК РФ его не коснется. В то же время действия, совершенные им не в своем интересе под влиянием сторонних лиц, следует квалифицировать как психическое насилие.

Ставропольским краевым судом рассмотрен спор, в котором Ш.Т.С. обратилась к нотариусу города Пятигорска Б.Д. с заявлением о вступлении в наследство после смерти Ш.С. на основании завещания и от нотариуса узнала, что завещание в ее пользу отменено на основании распоряжения и имеется новое завещание в пользу Ш.О. Согласно заключению комиссии экспертов и выводам, сделанным психологом, в исследуемый период времени Ш.С. всецело находился в витальной², эмоциональной и психологической зависимости от Ш.О. и Ш.Г., был легко им подчиняем. Данные лица являлись основными источниками связи с внешним миром, руководителями его инициативы и волеизъявления. Его поведение в целом носит ярко выраженный иррациональный характер и определяется не столько психологическими механизмами, сколько наличием психопатологической симптоматики. Учитывая, что выраженные изменения психики развились на момент оформления распоряжения об отмене завещания и составления нового завещания, он не мог понимать значение своих действий и руководить ими. По смыслу п. 1 ст. 177 ГК РФ, основание недействительности сделки, предусмотренное в указанной норме, связано с пороком воли, т.е. таким формированием воли стороны сделки, которое происходит под влиянием обстоятельств, порождающих несоответствие истинной воли такой стороны ее волеизъявлению, вследствие чего сделка, совершенная гражданином, находившимся

¹ URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/205315-17-onore-balzak-gobsek.html#book>

² То есть в жизненной зависимости.

в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, не может рассматриваться в качестве сделки, совершенной по его воле³.

В приведенном споре порок воли связан не с влиянием объективных обстоятельств, а с субъективным фактором — целенаправленным воздействием чужой воли. В самом деле, не следует ставить в один ряд события — пожар на пароходе или смерть наследодателя, заставляющие людей совершать нелепые поступки, и действие — умышленное влияние на сознание человека в своих имущественных интересах. Именно на этот вариант рассчитано правило ст. 179 ГК РФ, в которой говорится о сделках, совершенных под влиянием насилия, причем последнее может быть как физическим, так и психическим.

Чтобы стать жертвами такого насилия, не обязательно обладать ущербной психикой. Мы становимся ими, когда умело предложенные товары и сама атмосфера в торговых центрах побуждают нас совершать ненужные покупки. Такое насилие, понятно, нельзя поставить в упрек: торговля и существует для того, чтобы привлекать своего покупателя.

Однако следовало говорить о недобросовестном психическом воздействии, когда в 1990-х — начале 2000-х продавцы тайм-шеров на презентациях профессионально управляли волей зрелых, психически здоровых людей таким образом, что те в сопровождении тех же продавцов снимали со своих счетов значительные суммы и тут же тратили их на приобретение сомнительной зарубежной недвижимости на непонятных для них условиях от неуловимого зарубежного продавца.

Общее между правилами ст. 177 и 179 ГК РФ состоит в том, что в обоих случаях лицо действует с пороком воли. Однако

³ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 13 апреля 2016 г. по делу № 33-2431/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

в первом варианте причиной служит лежащее вне поля зрения ст. 177 событие, негативно повлиявшее на психическое состояние человека. Во втором речь идет об аномальном состоянии, но его причина прямо указана в ст. 179 ГК как насилие, в нашем понимании — над психикой лица, именуемого в ст. 179 ГК потерпевшим, причем это обстоятельство играет ключевую роль в плане ответственности: если по ст. 177 дело сводится к возмещению реального ущерба стороной, которая знала или должна была знать о временном отклонении от нормального состояния другой стороны, то в ст. 179 ГК такого ограничения по возмещению убытков нет.

Третий вариант, представленный состоянием опьянения как предпосылкой оспоримости сделки, всегда вызывал в литературе полярные суждения. С.В. Поленина почти полвека назад высказалась против признания их недействительности и объясняла это рядом обстоятельств: во-первых, в большинстве случаев человек и в состоянии опьянения не полностью теряет контроль над своими действиями; во-вторых, как правило, он приводит себя в это состояние по собственной воле; в-третьих, если считать нахождение в состоянии опьянения основанием для признания сделок недействительными, то это породило бы неустойчивость гражданского оборота, так как степень воздействия алкоголя на различных людей различна и не всегда может быть распознана контрагентами⁴.

О.С. Иоффе в тот же исторический период считал, что, если полному отчету лица в своих действиях препятствует его состояние опьянения, к тому же обычно известное второму участнику сделки, последняя признается недействительной⁵.

Е.В. Богданов выдвинул бесспорный постулат о том, что юридически значимым является не состояние опьянения само по себе, а лишь тот его предел, когда человек не способен понимать значение своих действий или руководить ими. Потому и проблему он видит в доказательствах этой временной неспособности именно в момент ее наличия, а поскольку самому неспособному лицу собрать их в этот момент затруднительно, указанный автор призывает к этому других лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате совершения оспоримой сделки. И если это было сделано и суд найдет доказательства убедительными, договор может быть признан недействительным⁶.

На наш взгляд, судебная практика не должна идти навстречу лицам, впадшим в помутнение рассудка на почве пьянства. Признание сделки недействительной в силу ст. 177 ГК РФ, по существу, означает законодательную льготу для временно непонятливых лиц, когда между ними и внешним миром возникает стена, искажающая его восприятие. Однако эта стена не должна быть пропитана спиртом уже потому, что общество, а вслед за ним и законодатель относятся к пьянству негативно⁷.

Риск оспоримости сделки по ст. 177 ГК РФ всегда несет так называемая другая сторона, но в данном случае невыгодные последствия зависят от того, не сочтет ли протрезвевший либо как-то связанные с ним третьи лица, что их интересы этой сделкой нарушены. Но если они нарушены в результате приема им алкоголя или однопорядковых по действию средств, применение к нему льготного режима по общему правилу неоправданно⁸.

⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. М., 1970. С. 83.

⁵ Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 271.

⁶ Богданов Е.В. Договоры в сфере предпринимательства. М., 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: п. 1.1 ст. 63 УК РФ; ст. 4.3.1 КоАП РФ.

⁸ Иначе обстоит дело в случаях, когда в дело вмешивается чужая воля: здесь алкоголь и прочие снадобья играют вспомогательную роль, уступая основную насилию, обману и другим способам воздействия на потерпевшего.

Остается, однако, внесудебное решение спора. Н.В. Гоголь в «Шинели» дает пример конфликта такого рода между стесненным в средствах чиновником Акакием Акакиевичем и портным, которому он хотел заказать шинель: «Акакию Акакиевичу было неприятно, что он пришел именно в ту минуту, когда Петрович сердился: он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько под куражем... В таком состоянии Петрович обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, всякий раз даже кланялся и благодарил. Потом, правда, приходила жена, плачась, что муж-де был пьян и потому дешево взялся; но гривенник, бывало, один прибавишь, и дело в шляпе»⁹.

Широкую палитру состояний по ст. 177 ГК РФ предложила Н. Кашеварова: в болезненном бреду, во сне, в состоянии опьянения или аффекта. Еще более рельефно выглядит умирающий в муках человек, который в последний момент жизни занят тем, что все свое имущество передает в пользу лица, случайно оказавшегося рядом. В том же ряду стоит дарение ценного имущества, совершенное участниками подвыпившей компании в пользу первого встречного на спор в доказательство своей щедрости. Сюда же отнесено нарушение сознания в связи с высокой температурой тела, наступление временного и внезапного умственного расстройства¹⁰.

Следует констатировать, что современная судебная практика значительно однообразнее. Причина здесь в том, что основную массу дел по ст. 177 ГК РФ образуют споры с участием дееспособных лиц, страдающих психическими отклонениями. Последние не мешают доступному для этих лиц образу жизни, но не дают им, по их утверждению, возможности понимать

значение сделок по продаже, например, жилой недвижимости.

Сделки этих граждан отнесены нами к четвертому варианту применения ст. 177 ГК РФ. От предыдущих они отличаются тем, что их разум и воля постоянно ослаблены, поэтому для целей применения этой нормы необходимости в каких-либо внешних потрясениях либо сиюминутных каверзах психики нет.

Они далеко не всегда состоят на учете в психоневрологическом диспансере, работают в сферах, не требующих особых умственных усилий, вполне приспособлены к своему окружению, получают зарплату и тратят ее на свои нужды. И хотя при знакомстве с ними они производят впечатление людей ограниченных, сомнений в их дееспособности не возникает.

Продав квартиру (дом) и получив за это деньги, они через некоторое время предъявляют иски о признании сделки недействительной по основаниям, рассматриваемым в настоящей статье, на фоне нарушения их интересов.

Исход дела решает заключение стационарной комиссионной судебно-психиатрической экспертизы, перед которой суд ставит вопрос о том, понимал ли истец значение своих действий и мог ли ими руководить в юридически значимый период совершения сделки продажи недвижимости. Положительный ответ предрешает исход спора в пользу истца¹¹. Он по решению суда вселяется в жилое помещение, однако уплаченные ему ранее по сделке ответчиком денежные суммы не возвращает и погасить долг за отсутствием имущества не может. Правоохранительные органы со ссылкой на вступившее в законную силу решение суда отказывают в возбуждении

⁹ URL: <https://ilibrary.ru/text/980/p.1/index%20html>

¹⁰ Кашеварова Н. Деление недействительных сделок по действующему законодательству // Правовые вопросы недвижимости. 2004. № 2. С. 22–30.

¹¹ Любопытно, что пропуск истцом срока исковой давности не имеет по делам такого рода значения для судов: логика решений сводится к тому, что если он не отдавал отчета своим действиям в юридически значимый период, то и в остальное время находился в состоянии, когда не мог понимать значения сроков.

против него уголовного дела по признакам мошенничества.

Правило п. 2 ст. 30 ГК об ограничении судом дееспособности граждан такого рода в рамках попечительства может предупредить подобные результаты споров, однако лишь в тех случаях, когда эти граждане находятся в сфере внимания органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами (п. 2 ст. 281 ГПК РФ)¹². Что касается членов семьи и родственников, то их инициатива в этом плане проблематична и зависит от ряда факторов — правовой осведомленности, имущественного интереса и т.п. Следует учесть и тот факт, что гражданину в данном варианте придется пройти стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, и это может послужить сдерживающим фактором для обращения родственников в суд.

На наш взгляд, необходимо поставить вопрос об изменении судебной практики. Заключение судебно-психиатрической экспертизы не должно рассматриваться судами как исключительное доказательство по делу, устраняющее все остальные, ему противоречащие¹³. Такие заключения должны занять свое место в ряду других доказательств — свидетельских показаний, письменных источников и т.п., тем более что органы психиатрической экспертизы не являются свободными от коррупции оазисами.

Взгляд на отношения, регулируемые ст. 177 ГК РФ с позиций основных начал

гражданского законодательства: равенства, действий в своем интересе и общеправового принципа справедливости, — показывает, что лицо, чей рассудок и воля временно изменили ему, рассматривается как слабая сторона правоотношения. Поэтому принцип равенства в данном случае состоит в том, чтобы вернуть ему все переданное по сделке, если, конечно, он обратится с соответствующим требованием. При этом интересы другой стороны остаются за кадром по той причине, что воля ее контрагента была с пороком; между тем осуществление своих гражданских прав своей волей входит в число тех же основных начал, отодвигая интерес этой стороны на задний план даже в том случае, когда она понятия не имела, что ее договорный партнер действует в состоянии помрачения¹⁴.

Но при таком подходе сторона, исходя из начал справедливости, вправе по крайней мере рассчитывать на возврат переданного по недействительной сделке уже потому, что волевая и умственная слабость этого партнера не могут служить средством его обогащения за чужой счет. Между тем, как было показано выше, именно так на практике и происходит. Упрек умственно слабой стороне в порядке п. 1 ст. 167 ГК РФ в том смысле, что лицо, которое знало или должно было знать об основаниях недействительности оспоримой сделки, после признания этой сделки недействительной не считается действовавшим добросовестно, нейтрализуется результатами судебно-психиатрической экспертизы. Невозможность отдавать отчет в своих действиях или руководить ими играет в судебной практике роль отпущения грехов, действие которой

¹² См. об этом также: п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: определения Верховного Суда РФ от 14 мая 1999 г. по делу № 55-В99пр-9; от 3 апреля 2018 г. по делу № 2-КГ18-1; от 22 мая 2018 г. по делу № 18-КГ18-59; от 8 мая 2018 г. по делу № 18-КГ18-62.

¹⁴ В Англии поступают так: если душевная болезнь установлена в судебном порядке, то договоры душевнобольных признаются ничтожными. Однако не признанный душевнобольным в судебном порядке может оспаривать заключенные им договоры, если докажет, что в момент заключения страдал слабоумием и его партнер знал об этом. См. об этом: Цвайгерт К., Кёте Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1998. С. 46.

начинается задолго до спорной сделки и продолжается после ее совершения.

Поэтому следует законодательно установить порядок, при котором двусторонняя реституция не превращалась бы де-факто в одностороннюю с той разницей, что полученное стороной по сделке не взыскивается в доход государства, а остается у нее. Для этого надо передать стороне в силу судебного акта вещь, иную, чем деньги, не

раньше, чем эта сторона внесет денежную сумму по тому же решению на счет, открытый в порядке, установленном ГПК РФ и бюджетным законодательством¹⁵.

¹⁵ В США суды в абсолютном большинстве случаев позволяют душевнобольным расторгать договоры лишь в тех случаях, если те в состоянии вернуть полученное от партнера по договору. См. об этом: Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. С. 46.

Литература

1. Богданов Е.В. Договоры в сфере предпринимательства / Е.В. Богданов. М. : Проспект, 2018. 308 с.
2. Иоффе О.С. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. М. : Юридическая литература, 1967. 494 с.
3. Кашеварова Н. Деление недействительных сделок по действующему законодательству / Н. Кашеварова // Правовые вопросы недвижимости. 2004. № 2. С. 22–30.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. М. : Юридическая литература, 1970. 823 с.
5. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кётц. М. : Международные отношения, 1998. Т. 1: Основы. 478 с.
6. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кётц. М. : Международные отношения, 1998. Т. 2: Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. 510 с.

References

1. Bogdanov E.V. Dogovory' v sfere predprinimatelstva [Agreements in Entrepreneurship] / E.V. Bogdanov. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2018. 308 s.
2. Ioffe O.S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo [Soviet Civil Law] / O.S. Ioffe. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1967. 494 s.
3. Kashevarova N. Delenie nedeystvitelny'kh sdelok po deystvuyuschemu zakonodatelstvu [Classification of Invalid Transactions under the Applicable Laws] / N. Kashevarova // Pravovy'e voprosy' nedvizhimosti — Legal Issues of Real Estate. 2004. № 2. S. 22–30.
4. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu RSFSR [Commentary to the Civil Code of the RSFSR] / pod red. E.A. Fleyshits, O.S. Ioffe. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1970. 823 s.
5. Zweigert K. Vvedenie v sravnitelnoe pravovedenie v sfere chastnogo prava [An Introduction to Comparative Law] / K. Zweigert, H. Kötz. Moskva : Mezhdunarodny'e otnosheniya — Moscow : International Relations, 1998. T. 1 : Osnovy'. 478 s.
6. Zweigert K. Vvedenie v sravnitelnoe pravovedenie v sfere chastnogo prava [An Introduction to Comparative Law] / K. Zweigert, H. Kötz. Moskva : Mezhdunarodny'e otnosheniya — Moscow : International Relations, 1998. T. 2: Dogovor. Neosnovatelnoe obogaschenie. Delikt. 510 s.